

М. В. Рейли

ТЕМА «МОЛОКА» В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Резюме

В статье дается текстологический анализ «молочной» темы в русских волшебных сказках в сюжетах «Чудесное бегство», «Звериное молоко», «Красавица-жена» («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»), «Конек-горбунок», «Муж-рак».

Ключевые слова: волшебные сказки, молоко, лягушка-первопредок, Баба-Яга, Конек-горбунок, мифология

Marina V. Reilly

THE THEME OF MILK IN RUSSIAN FAIRY TALES

Abstract

The article provides a textual analysis of the role of dairy in Russian fairy tales. The article considers the following motifs: The Miraculous Escape, The Animal Milk, The Beautiful Wife ("Go there, I don't know where, bring that, I don't know what"), The Little Humpbacked Horse, and The Cancer Husband.

Keywords: fairy tales, milk, frog ancestor, Baba Yaga, mythology

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-114-123

В русских волшебных сказках иногда встречается «молочная» тема. Это касается сюжетов СУС 313, 315, 440, 465А, 531. Любопытно, как именно она претворяется в каждом из них и какая картина возникает в целом.

Наиболее разработана и интриγουща роль молока в сюжете «Красавица жена» («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что») (СУС 465А),

© М. В. Рейли, 2024

где оно сопряжено с образом лягушки. Последняя, в свою очередь, связана с женским родовым началом. Представления об этой связи, сюжеты о происхождении лягушек от превращенных в них женщин были широко распространены. В Сербии и Полесье зафиксировано поверье, «согласно которому убийство человеком жабы предвещало смерть матери», что опять же говорит о вероятной связи образа жабы с материнским родом¹. Кроме того, в большинстве текстов прослеживается устойчивая связь между лягушкой и молоком. В чем же она выражается?

В сюжете СЭС 465А лягушка играет роль главного информатора. Она единственная знает, где находится «то, не знаю что» и как туда добраться. В своем сакральном знании она превосходит даже самую старшую и самую «ведающую» из трех сестер-ягишен. Так, Яга говорит своему зятю: «„Я вам помогу вашему горю. Отдохни немного“. (...) А сама (...) пошла узнавать, где достать такое чудовище, которое приказано доставить царю. Собрала всех птиц, зверей. Никто не мог откликнуться, что знают такого чуда, кроме одной лягушки. Лягушка-квакушка только могла дать слово, что я это могу достать». Она «эту лягушку берет, наливает *свежим молоком* большую банку и дает своему зятю», рассказывая ему, как с ее помощью переправиться через огненную реку, найти искомое «чудовище» и вернуться обратно [Бахтин, с. 26]²; «Вышла из кельи, села на конёк и начала кричать громким голосом: „Сбирайтесь, слетайтесь, сполчайтесь!“ Сошлись все гадины, и спрашивает их старуха, не знают ли они, куда идти, какие вещи делать. Все сказали, что не знают, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползет. Старуха на нее и закричала: „Ползи скорей, старая!“ Приползла лягушка и говорит: „Дайте мне отдохнуть, так я скажу“. Старуха и говорит лягушке: „Ты возьми мово зятя и доведи туда, не знай куда“» [Садовников, № 9]; «„Ах, зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают“. Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы. „Гой есте,

¹ Лягушка (Жаба) — лунный и женский знак, символ рождения, плодovitости, перевоплощения и воскрешения от «Ригведы» до современного Полесья и Белоруссии. Древние представления о лягушке как символе возрождения жизни сохранились, например, еще в коптском Египте. На амулете лягушки от матери Хекет, древнеегипетской богини плодородия, было написано: «Я есмь воскресение». Хекет, сотворившая людей и помогающая при родах, изображалась либо в облике лягушки, либо в виде женщины с лягушкой на голове и соотносилась с загробным царством URL: <http://www.a700.ru/animals/water-animals/34-lyagushka-slavyanskaya-mifologiya.htm> (дата обращения: 15.04.2019); см. также: [Гура, с. 381, 382]. Подробнее о функции лягушки в волшебных сказках и ее трансформациях см.: [Рейли].

² Здесь на память приходит «лягушка-холодушка», которую крестьяне запускали в сосуд с молоком, чтобы молоко некисло в жару.

звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?“ Все звери и птицы в один голос отвечали: „Нет, мы про то не слыхивали!“ Распустила их старуха по своим местам <...> воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчас явились к ней два великана: „Что угодно, что надобно?“ — „А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине — на самой пучине“. Тотчас подхватили они стрельца со старухою, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине — на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухою на руках держат. Крикнула старуха громким голосом — и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! <...> „Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываєте: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?“ Все гады и рыбы в один голос отвечали: „Нет! Мы про то не слыхивали!“ Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит: „Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти“. — „Ну, милая, тебя-то мне и надобно!“ — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнесть. <...> Стала старуха лягушку допытывать: „Как и какую дорогою моему зятю идти?“ Отвечает лягушка: „Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать“. Старуха принесла большую банку, *налила свежим молоком*, посадила в нее лягушку и дает зятю: „Неси, говорит, эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает“ <...> приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. „Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться“. Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь. „Ну, добрый молодец, садись на меня, да не жалея; небось не задавишь!“ Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась, дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: „Коли свалюсь, до смерти ушибусь!“ Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. „Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду“» [Афанасьев, № 212].

Молоко в этом сюжете появляется не случайно. Кроме того, что оно представляет собой божественную субстанцию, оно означает еще и семейные кровные узы и является символом материнства, т. е. снова возвращает нас к родовым связям. Оно же, как и кровь, является передатчиком жизненной силы. В русских же (и не только) сказках, былинах, быличках Змей (змеи)

либо Баба-Яга сосут груди у красавиц, забирая у них жизненную силу³. К тому же оно оказывает, судя по всему, исцеляющее и омолаживающее действие.

Иногда лягушка имеет *самостоятельный статус*, она может *сама вызваться* оказать помощь герою и «проинструктировать» его, потребовав при этом, чтобы ее опять же положили в молоко: «...а лягушка-квакушка говорит: „Я знаю. Возьмите меня домой, положите в *молоко*, и куда я носом буду глядеть, туда и путь пусть держит“»; «Вдруг лягушка и спрашивает: „Что видишь над собой, под собой и вокруг себя?“ — „Надо мной небеса, подо мной — мать сыра земля, а вокруг — белый свет, впереди огонь горит“. Это стоит *золотая стена, от востока до запада, от земли до неба*. Она *молоко выпила и стала большая*⁴». Сел герой на нее, «а она как пригнула и *стену перескочила*» [Карнаухова, № 53].

В ряде случаев лягушка не только проявляет самостоятельность, но и диктует свои условия вещим старухам, что говорит о ее превосходящем статусе старшего тотемного первопретка. Так, Яга говорит: «„*Скокушка-баушка* живёт в болоте триста лет, она, наверно, знает, полечу-ко я к ней“. Прилетает на двух голиках к *Скокушки-баушки* в болото и спрашивает: „Знаеш, Скокушка-баушка, где ‘то, не знай што’?“ — „Знаю“{...} — „Так скажи“». И тут Скокушка показывает свой норов: «Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня проводишь до огненной реки в *пáрёном молоки*, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу». Тогда Яга «берёт она Скокушку на себя и приносит к себе»; «берет кувшин *молока и начала парить*. Вот когда она *напарила*, сажала эту баушку-Скокушку, лягушку то есть, и приносит к своему зятю». На прощанье Яга дает герою своего коня. «Вот когда он доехал до огненной реки, коня у него уж не стало. Осталсе один кувшин, и стал за ниточку вытягивать эту скокушку. Когда он вытянул Скокушку, она ёму и говорит: „Садись,

³ Являясь пищей для новорожденных, молоко было символом инициации и возрождения в древнегреческих орфических обрядах, в митраизме, исламе и во время крещения у ранних христиан. Считалось, что кровь (т. е. жизненная сила) мужчин превращается в сперму, а кровь женщин — в молоко. В быличках таким образом обычно развивается тема воздаяния за грехи: и жабы, и змеи — воплощения погубленных девушкой нерожденных младенцев, которые сосут молоко из груди погубившей их матери. Кроме того, в народных верованиях славян лягушка (жаба) — животное, родственное или тождественное змее. В Польше встречается поверье, что лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея [Гура, с. 380].

⁴ У славян молоко «обнаруживает связь с небом и атмосферными явлениями — дождем и молнией (громом)» [Толстая, с. 284]. А. Гура подчеркивает, что «к наиболее характерным особенностям следует отнести молочную тему, в разнообразных видах возникающую в народных представлениях о лягушке. Это и выдаивание лягушкой (или ведьмой-лягушкой) молока у коров, и отбирание молока с помощью лягушки как вид порчи, и пропажа у коровы молока как следствие нарушения запрета убивать лягушку, и, наоборот, благотворное влияние лягушки на удои молока» [Гура, с. 391].

Ондрей, на меня, пока не поздно“ ⟨...⟩ — „Што ты, баушка, эка маленька, я тебя роздавлю“. — „Ну, садись“ ⟨...⟩ — „Ну, ланно, седу“. Сел, и эта лягушка стала подниматьце кверху, кверху, стала выше лесу и всё ёго упивала в себя, только видна одна голова. Вот она и заговорила: „Ну, дёржись крепче“. Как эта лягушка скоцит, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила его» [Коргуев, № 2].

Очевидно, что молоко не только способствует трансформации лягушки, но и помогает ей инициировать героя путем «упивания» (= *заглатывания*) героя в себя и исторжения обратно. Очевидно, лягушка и сохраняется в молоке, и оздоравливается, и набирается от него сил, в том числе и магических. Недаром Яга за ее *верную службу* назначает ей *по три банки молока в день давать* [Афанасьев, № 212].

Лягушка выполняет роль помощника героя, медиатора, осуществляя последнюю переправу в иной мир: переносит героя из земного царства туда, где находится искомая диковинка. Обычно это убежище находится за обширной водной / огненной преградой: за *морем*, во дворце *морского царя*, в *большом болоте*, за *огненной рекой*, за *золотой стеной*, «от востока до запада, от земли до неба», т. е. в «ином мире».

Возникает вопрос: что за молоко дает Яга лягушке? В сказках на сюжет СУС 465А нигде нет сведений о том, чтобы у Яги была корова. Она повелительница зверей и птиц — тотемистических предков в царстве мертвых. Закономерным представляется продолжение этой темы в сюжете «Звериное молоко», где «сестра (мать) сговаривается с любовником (разбойником, чародеем, змеем, чертом, Кашеем, железным волком) погубить юношу и посылает его за молоком волчицы, медведицы и львицы, притворившись больной; связывает его; герой спасается с помощью зверей — волчонка, медвежонка и львенка; расправляется с врагом, наказывает притворщицу» [СУС 315, с. 115—116]. В целом в разных текстах этот мотив развивается однообразно, поэтому рассмотрим его коротко на примере текста Афанасьева.

Так, герой собирается отправиться в соседнее государство, где «случилась беда немалая — вымер весь народ». Отец не согласен, т. е. он идет без благословения родителей, а следовательно, начинает свой поход в состоянии пороговом, лишенный защиты рода: «Коли так, я и сам пойду»; пошел, «а сестра не захотела от него отстать и сама пошла». По пути попадают к трем ягишнам, причем уже первая из них, проявляя провидческое знание, предупреждает Ивана царевича: «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает». Далее сестра знакомится со Змеем Горынычем. Знакомство происходит у реки (пограничное пространство) и в отсутствие брата (тот ушел на охоту), т. е. и эта защита у сестры отсутствует. Кроме

того, Змей превращается в такого молодца и красавца, «что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать». Змей хочет известить брата и советует сестре: «„Вот что: притворись больною и пожелай волчьего молока; он пойдет молоко добывать — авось голову свернет!“ Воротился брат, сестра лежит на постели, жалуется на болезнь свою и говорит: „Братец! Во сне я видела, будто от волчьего молока поздороваю; нельзя ли где добыть? А то смерть моя приходит“». Потом так же посылает за медвежьим и львиным молоком. Каждое из животных дает молоко и своего детеныша [Афанасьев, № 204]; ср.: [Афанасьев, № 202, 203, 205; РССиДВ, № 3; Потанин, № 29]. Как очевидно, звериное молоко обладает чудесными исцеляющими свойствами, что вполне соотносимо с его ролью в сюжете СУС 465А. Молоко традиционно считается пищей богов, эликсиром жизни, символом возрождения и бессмертия. В индийской традиции, в ведическом мифе о сотворении мира, боги и асуры пахтали молочный океан (млечный путь), чтобы создать солнце и луну, чудесные предметы и, в конце концов, эликсир бессмертия — амриту или сому. При ведийском жертвоприношении молоко, смешиваемое с сомой, понималось как символ потока жизни⁵.

С трансформирующей силой молока мы сталкиваемся в текстах на сюжет «*Конек-горбунок*» [СУС 531], где герой по подсказке пойманной им кобылицы добывает коня себе «по силе». Далее он выполняет все царские поручения с помощью кобылицы и своего коня. Последнее поручение — добыть царю девицу, на которой тот предполагает жениться. Девица требует, чтобы царь искупался в *кипяченом кислом молоке*: если справедливый — не сгорит, если несправедливый — сгорит. Царь требует, чтобы сначала Забытай попробовал. Герой купается в молоке благополучно, превращаясь в итоге в красавца, царь же сгорает. Герой женится на девице-королеве [Карнаухова, № 46; ср.: Куприяниха, № 1].

Таким образом, процесс очищения и трансформации удается пройти только герою, «несправедливый» же царь «сгорает» в молоке. Возможно, «сжигающее» молоко соотносимо с огненной рекой между миром живых и мертвых, если, конечно, «сгореть» здесь не значит «свариться».

Если посмотреть на сказку «Гуси-лебеди» [СУС 313I], то в ней в качестве последней преграды на пути к бабе-яге сестра Ивашки встречает молочную реку с кисельными берегами («Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. „Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?“ — „Съешь моего простого киселика с молоком, скажу“»), которая становится ее союзницей на обратном пути, пряча от преследователей [Афанасьев, № 113].

⁵ URL: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/milk/> (дата обращения: 30.01.2019).

Эта река сродни огненной реке, разделяющей мир живых и мир мертвых, но она скорее напоминает о небесном царстве изобилия, где растет яблоня с молодильными яблоками и текут источники с живой и мертвой водой⁶. Не случайно брат девочки сидит на лавочке и играет «золотыми яблочками»⁷.

«Пропуском» в иной мир служит молоко в тексте на сюжет «Бегство от ведьмы» [СУС 327С (?)], где героиня в поисках братьев доходит до высокой горы — одному из прообразов пути в иное царство — и видит на дороге кобылью голову: «Шла-шла, до горы дошла, увидела *лошадину голову*. Стала ее спрашивать. А она говорит: „Ты молоком меня напои, а потом и спрашивай“. Ну, она ее молоком напоила. Та ей и дала полотенце да клубочек. И говорит: „Будет тебя кто звать — не обвертывайся!“» [Крн.-Лев. Дети, № 42]. Лошадиная голова в этом тексте выполняет ту же функцию, что и баба-ягдарительница — хранительница входа в царство мертвых [Афанасьев, т. 1, с. 462, 463 — примеч. к текстам № 99, 102–103], а молоко в данном случае является «пропуском» в это царство.

Молоко в сюжете СУС 313 подает Яга своей племяннице, действуя в интересах героя, когда та останавливается у нее на отдых: «„Я тебе помогу!“ — „Помоги, помоги, баушка!“ — „А вот прилетят ко мне десять голубиц, я их напою-накормлю; потом прилетит Марфа Токмановна, дочь ево (морского царя), и со своей служанкой. Когда же ей стану всяко кушанье подавать, последнее кушанье — картошки с молоком, — скажу ей, што ‘вот тебе, Марфа Токмановна, женишкá-то!’ Она хотит меня ударить. (Я тебя посажу за печку, ты сиди). Из-за печки выскакивай и тут её лови! Если поймашь, то ты будешь человек, а не поймашь — погибнешь!“» [Зеленин, Перм., № 55].

Здесь, помимо того что молоко продолжает фигурировать как пища иного мира, возможно, нашел свое отражение один из моментов свадебного обряда, где молоко является последним блюдом, «выгоном»: «Принесут потом женихам последнее, молоко топленое — „выгон“ называютце» [Русская свадьба, с. 254].

Как пища иного мира используется молоко в тексте на сюжет «Мужрак» [СУС 440]. Бездетные старик со старухой берут в сыновья поросенка, найденного в болоте у «чушки с поросятами». Сын вырастает, женится на царской дочери, по ночам превращается в красавца, а днем остается поросенком. Жена по совету своей матери сжигает его свиную шкуру. Вихрь уносит

⁶ См., например, как это происходит в сюжете «Царь-девица» (СУС 551).

⁷ Изобилие библейской «земли обетованной» символизируется тем, что там «течет молоко и мед» (Исх. 3: 8, 17; Лев. 20: 24 и др.).

его в «хрустальный монастырь». Жена отправляется на поиски, с помощью святой Середы, святой Пятницы и Святой Троицы попадает в хрустальный монастырь, где ее встречает мать мужа. Дважды, когда она приходит, мать дает сыну *молоко*, и он *засыпает* (=сон, подобный смерти). На третий раз молоко не выпивается, они встречаются и возвращаются домой [Зиновьев, № 47].

Схожей функцией, вероятно, обладает *молоко*, которым вполне по-бытовому поит героя Мать Северного ветра: «Идёт и идёт, изголодал, што уж идти не может, на коленках ползёт. И видит крутую гору. И подошел к этой горы, упёр головой в гору, открылась дверь, и на пороге стоит старушка. „О, Феденька, бедной, как ты голодной, попадай в избу“. Вот она, старушка, взяла ёго за рúки, ввёла в избу, роздела, дала ему стакан молока и кусочик маленькой хлеба и рюмку вина. „Ну, топерь, Федя, ты полежи часика два, а потом тебе даю, потому што тебе сразу давать много ись нельзя“» [Коргуев, № 9].

В конечном итоге становятся очевидны такие функции молока в русских волшебных сказках, как исцеление, укрепление, трансформация, инициация, приобщение к материнскому роду и объединение двух родов, молоко — пища «инога мира» и «пропуск» в этот мир.

Таким образом, если рассматривать сказки в совокупности как некий прототекст, то мы видим, как в каждом из сюжетов разворачивается одна из составляющих общих мифологических и обрядовых представлений о молоке, а объединение этих отдельных частей дает нам довольно объемную и в целом не утилитарную картину восприятия молока в крестьянской среде, которую сохранила волшебная сказка с древнейших времен.

Литература

- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.; 1985. Т. 2. 464 с.; Т. 3. 496 с.
- Бахтин — Сказки Ленинградской области / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин, П. Ширяева. Л.: Лениздат, 1976. 288 с.
- Власова — Власова М. Н. Из истории экспедиций Отдела фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в Новгородскую область (1963–1987): Экспедиционные дневники В. В. Митрофановой (1965, 1967) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2013. Вып. 8 / Отв. ред. Ю. И. Марченко. С. 302–332.
- Гура — Гура А. В. Символика животных в мифологии славян. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Зеленин, Перм. — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с.
- Зиновьев — Русские сказки Забайкалья / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1983. 352 с.
- Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.
- Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 1. 660 с; Кн. 2. 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1).

- Крн.-Лев. Дети — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 680 с.
- КС — Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Госиздат К-ФСРС, 1947. 246 с.
- Куприяниха — Сказки Куприянихи / Запись сказок, ст. о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой, И. А. Оссовета; вступ. ст. и общ. ред. И. П. Плотников. Воронеж: Воронеж. книгоизд-во, 1937. 271 с.
- Потанин — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии. Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1906. Т. 1, вып. 2: Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний / Под ред. Г. Н. Потанина. 290 с.
- Рейли — *Рейли М. В.* «Престрашная, прегрозная лягуха» русских волшебных сказок // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2018. Вып. 10: Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. С. 239–258.
- РССиДВ — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Русская мифология — Русская мифология: Энциклопедия / Сост. Н. Эриашвили, Е. Мадлевская, В. Павловский. М.: Эксмо; МИДГАРД, 2007. 171 с. (Тайны древних цивилизаций).
- Русская свадьба — Русская свадьба / Сост. Д. Балашов, Ю. Марченко, Н. Калмыкова. М.: Современник, 1985. 392 с.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1884. 388 с. (Записки РГО по Отделению этнографии; Т. 12).
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. / Сост. Л. Г. Барг, К. А. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- Толстая — *Толстая С. М.* Молоко // Славянские древности. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 284–288.

References

- Afanas'ev, A. N. (1984–1985). *Narodnye russkie skazki*. 3 vols. Moscow: Nauka. Vol. 1, 512 p.; Vol. 2, 464 p.; Vol. 3, 496 p.
- Azadovskii, M. K., ed. (1947). *Russkie skazki v Karelii (Starye zapisi)*. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 246 p.
- Bakhtin, V., Shiryayeva, P., eds. (1976). *Skazki Leningradskoi oblasti*. Leningrad: Lenizdat, 288 p.
- Balashov, D., Marchenko, Yu., Kalmykova, N., eds. (1985). *Russkaya svad'ba*. Moscow: Sovremennik, 392 p.
- Barag, L. G., Kabashnikov, K. A., Novikov, N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 440 p.
- Eriashvili, N., Madlevskaya, E., Pavlovskii, V. (2007). *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya*. Moscow: Eksmo, MIDGARD, 171 p. (Tainy drevnikh tsivilizatsii).
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v mifologii slavyan*. Moscow: Indrik, 912 p.
- Karnaukhova, I. V., ed. (1934). *Skazki i predaniya Severnogo kraya*. Moscow; Leningrad: Academia, 446 p.

- Matveeva, R. P., Leonova, T. G., eds. (1993). *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: Volshebnyye. O zhivotnykh*. Novosibirsk: Nauka, 352 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka).
- Nechaev, A. N., ed. (1939). *Skazki M. M. Korgueva*. Petrozavodsk: Kargosizdat, Vol. 1, 660 p.; Vol. 2, 676 p. (Skazki Karel'skogo Belomor'ya. Vol. 1).
- Plotnikov, I. P., Novikova, A. M., Ossovetskii, I. A., eds. (1937). *Skazki Kupriyanikhi*. Voronezh: Voronezhskoe knigoizdatel'stvo, 271 p.
- Potantin, G. N., ed. (1906). *Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po etnografii*. T. 1, vyp. 2: *Russkie i inorodcheskie skazki Eniseiskoi i Tomskoi gubernii*. Tomsk: Parovaya tipografiya N. I. Orlovoi, 290 p.
- Reili, M. V. (2018). '«Prestrashnaya, pregroznaya lyagukha» russkikh volshebnykh skazok', in: Vlasova M. N., Kaneva, T. S., eds., *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 10. *Sovremennyye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova*, 239–258.
- Sadovnikov, D. N., ed. (1884). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 388 p. (Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po Otdeleniyu etnografii. Vol. 12).
- Tolstaya, S. M. (2004). 'Moloko', in: Tolstaya, S. M., ed., *Slavyanskije drevnosti*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3, 284–288.
- Vlasova, M. N. (2011). *Neizdannyye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 godov: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 680 p.
- Vlasova, M. N. (2013). 'Iz istorii ekspeditsii Otdela fol'klora Instituta russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk (Pushkinskii Dom) v Novgorodskuyu oblast' (1963–1987). Ekspeditsionnyye dnevniki V. V. Mitrofanovoi (1965, 1967)', in: Marchenko, Yu. I., ed., *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 8, 302–332.
- Zelenin, D. K. (1997). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 584 p.
- Zinov'ev, V. P., ed. (1983). *Russkie skazki Zabaikal'ya*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 352 p.